

ОБ ИСТОРИЗМЕ ГОГОЛЯ *По повести "Тарас Бульба"*

Марк Соколянский

"Тарас Бульба" есть отрывок, эпизод из великой эпопеи жизни целого народа. Если в наше время возможна гомерическая эпопея, то вот вам ее высочайший образец, идеал и прототип!.. Если говорят, что в "Илиаде" отражается вся жизнь греческая в ее героический период, то разве одни пиитики и риторики прошлого века запретят сказать то же самое и о "Тарасе Бульбе" в отношении к Малороссии XVI века?.." (2, т. 1, с. 144). Вряд ли найдется в русской критике дифирамб гоголевской повести, сопоставимый по восторженности с этими, известными словами В.Г.Белинского. Чего стоит одно сравнение с Гомером, которое в научных литературоведческих рассуждениях, думается, можно бы при всей обоснованной любви к дорогой с детства книге воспринимать *cum grano salis*. К тому же в большинстве своем авторы, цитирующие это место из статьи "О русской повести и повестях г. Гоголя", полностью сосредоточиваются на первой, суперлятивно-оценочной части восклицания Белинского. Между тем небезынтересна и важна заключительная часть риторического вопроса, наталкивающая нас и сегодня на размышления об "отражении жизни", о воссоздании духа истории, словом – об *историзме* Гоголя в "Тарасе Бульбе".

При оперировании понятием "историзм", менее всего здесь имеется в виду историзм гуманитарного и уже – филологического исследования (см. 22, с. 1-20). Речь идет собственно о писательском историзме. Хотя и в рамках этого, достаточно четко очерченного "предмета", можно встретить, по крайней мере, два толкования интересующего нас понятия, равно бытующие в современном литературоведении. *Первое* толкование: историзм есть система исторических воззрений писателя или способ понимания им основных исторических проблем. *Второе* – историзм есть один из принципов воссоздания действительности в искусстве. Хотя обозначенные явления

и тесно взаимосвязаны, тем не менее они принципиально разнятся между собою.

Одним из первых к дифференциации этих двух явлений подошел Б.В.Томашевский в работе "Историзм Пушкина": "...Не следует смешивать историзм как определенное творческое качество с объективным фактом обращения к исторической теме..." (17,с.42). Позднее о том же убедительно писал Д.С.Лихачев: "Можно изучать воззрения Толстого, как они выражены в известных исторических отступлениях его романа "Война и мир", но можно изучать и то, как протекают события в "Войне и мире". Это две разные задачи, хотя и взаимосвязанные. Впрочем, думаю, что последняя задача важнее, а первая служит пособием (далеко не первостепенным) для второй..." (9,с.77).

Применительно к создателю "Тараса Бульбы" могут быть поставлены обе задачи. Известен интерес Гоголя к истории, проявившийся довольно рано. Правда, ученым-историком и даже университетским профессором истории ему не суждено было стать (известно, как быстро завершилось его адъюнкт-профессорство в столичном университете), но тем не менее и круг его чтения, и целый ряд собственных статей, и, наконец, его художественное творчество говорят о том, что тяга Гоголя к истории не была просто постижением одного из полей, на котором "произрастают" захватывающие сюжеты. Интерес был серьезнее и глубже. Среди притягивавших внимание писателя исторических пластов, несомненно, доминировала история Украины.

Эта тематика занимала Гоголя и в ряде статей, вошедших в сборник "Арабески" ("Взгляд на составление Малороссии", "О малороссийских песнях"), и в художественной прозе. Отзвуки истории слышны в повести "Сташная месть" из первого гоголевского цикла; в начале тридцатых годов он работал над повестью "Гетьман", оставшейся незавершенной и в неоконченном виде опубликованной впервые (и то не полностью) во второй части "Арабесок". Наконец, в сборнике "Миргород" появилась в 1835 году повесть "Тарас Бульба", а спустя семь лет вышла в свет вторая ее редакция.

Когда заходит речь о тяге Гоголя к истории, включая и историю Малороссии, следует, очевидно, дифференцировать собственно интерес и исторические познания. Не стоит стыдливо замалчивать

то обстоятельство, что, в отличие от Вальтера Скотта, Карамзина или Пушкина, Гоголь не был большим знатоком истории в научном, так сказать, смысле. Более того, историко-фактологическая точность не относилась к числу сильных мест автора "Миргорода" и "Арабесок" даже тогда, когда разговор велся о художественной литературе. Достаточно вспомнить, например, как Гоголь в одной из статей по памяти приводил названия произведений боготворимого им Пушкина: "Капитанская дочь", "Царский арап", "Рукопись села Горохина" (5, т.6, с.176).

Исторические анахронизмы бросаются в глаза и в "Тарасе Бульбе". Уже на первых страницах автор так характеризует своего героя: "Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы..." (5, т.2, с.37) и т.д. Может быть, XV век – это описка или опечатка, допущенная когда-то при издании повести? Но в соответствующем месте первой редакции встречаем тот же ляпсус: "грубый XV век" (5, т.2, с.253). И там же говорится, что Тарас Бульба был одним из первых поклонников, "когда Баторий устроил полки в Малороссии" (5, т.2, с.253). Воспоминание о Стефане Батории относит нас сразу же к семидесятым-восьмидесятым годам следующего – XVI века, хотя время действия "Тараса Бульбы" – это, несомненно, XVII век. Попутно заметим, что и восхищенный Белинский ошибся на целое столетие, соотнеся "Тараса Бульбу" с Малороссией XVI столетия.

При всей относительной скудости источников, находившихся в распоряжении великого писателя, читал он все же и "Описание Украины" Гийома Левасера де Боплана, вышедшее по-русски в Санкт-Петербурге в 1832 году (см.19), и изданную во Франции несколькими десятилетиями раньше "Летопись Малороссии" Шарля-Бенуа Шерера (см.20), и "Историю о казаках запорожских" Мышецкого, равно как и другие книги. Тем не менее он и в статьях утверждал, что появление казачества на Украине можно отнести "если не к концу XIII, то к началу XIV века" (5, т.6, с.29), а вершиной казачества, его пиком не перестал считать XV век, "которым так блистательно заканчиваются средние века..." (6, т.6, с.28). Исторические увлечения переплелись здесь с фантазией, и это устойчивое переплетение было чревато историческими ошибками и неточностями.

Случались неточности и более мелкие, частные. Допустим, картузианский монах назван "картезианским" (5, т. 2, с. 75) – своеобразная контаминация истинно существовавшего, начиная с одиннадцатого века, монашеского ордена с определением философского течения, производным от имени великого мыслителя Рене Декарта.

Конечно, на эти прежде всего исторические неточности можно было бы не обращать внимания. Что, кстати говоря, и делали многие комментаторы, застенчиво обходившие такого рода случаи, дабы "не повредить" авторитету классика русской литературы. Более того, имели место попытки противопоставить Гоголя Вальтеру Скотту с известной страстью последнего к точности в деталях, чтобы даже в этом приподнять русского классика над "шотландским чародеем". Так, например, поступил С. Машинский в своей книге о "Тарасе Бульбе", в которой еще очень заметен налет вульгарно-социологической методологии. Вальтеру Скотту вменяется в вину его "компромиссное мировоззрение", а "зрелость исторической мысли Гоголя" обнаруживается в том, как он бескомпромиссно изображает "борьбу украинского казачества против польской шляхты" (11, с. 126-127).

Вряд ли стоит сегодня опровергать подобные положения, как и пенять их автору за вульгарно-социологические шоры: не он один находился под влиянием – искренне или вынужденно – этой официальной, насаждаемой методологии. Да и само определение жанровой природы гоголевского произведения – "историческая повесть" – современным исследователям уже не кажется столь бесспорным. "Повесть Гоголя может быть названа *исторической* только условно, она лишена внешних признаков историзма, ставших обязательными признаками жанра..." (13, с. 133). Впрочем, упоминание о "внешних признаках историзма" как бы имплицитно предусматривает наличие других, внутренних(?) признаков онтого. Пожалуй, можно согласиться с новейшими авторами в неприятии жанрового определения "историческая повесть", да и вообще целесообразно отказаться от "евгемерической" (выражение Цветана Тодорова (21, с. 241-253)) критики "Тараса Бульбы" – книги, которая ни в коем случае не может служить источником исторических сведений о конкретной эпохе.

Однако при этом не стоит спешить "отказывать" гоголевской

повести в таком качестве, как историзм. Из истории европейского романа известно, что будучи порождением более ранним, чем исторический роман как жанровая разновидность, историзм как творческое качество проявляется в романистике и до Вальтера Скотта (см. 16, с. 112-127). Аналогичным образом в развитии другого прозаического жанра – повести – историзм не является прерогативой исторической повести как жанровой модификации.

Анахронизмы, равно как и анатопизмы, в произведении, действие которого так или иначе соотнесено с реально-историческим временем и конкретным пространством, вне всякого сомнения, способны ослабить художественное воздействие текста на просвещенного читателя. Однако, обратясь к истории литературы, мы обнаруживаем такого рода "грехи" у величайших мастеров, которые тем не менее остаются Мастерами в нашем восприятии. В "Юлии Цезаре" у Шекспира "бьют часы", хотя тогда в древнем Риме часов с боем еще не было, а в "Зимней сказке" плывут морем из Сицилии в Богемию, однако, мировая слава Шекспира от этого не убывает.

Анахронизм или анатопизм в *поэтическом* произведении – имея в виду не только стихотворные тексты, но творения, овеванные поэтическим вымыслом, – проявляется совсем по-другому, нежели в очерке, историческом эссе либо натуралистическом романе. Об этом нелишне вспомнить, поскольку "Тарас Бульба", как было подмечено еще современникам Гоголя – тем же Белинским, например, – произведение поэтическое. Стало быть, отдельные исторические неточности вовсе не снимают вопроса об *историзме* как важном, неотъемлемом качестве этой повести.

Какой бы высокой концентрации ни достигал поэтический колорит произведения, мы можем выделить различные пути исторической "привязки" событий и характеров – разные способы, используя выражение Б.М.Эйхенбаума, "извлечения исторического корня" (18, с. 411), которые и позволяют говорить о гоголевском историзме.

Историческая маркированность эпизодов, характеров, всего действия достигается, конечно же, не только и не столько указаниями на конкретные даты. В отношении дат, как уже замечалось, "Тарас Бульба" не самое безукоризненное из произведений Н.В.Гоголя. Традиция "свободного" обращения с датами была заложена Гоголем

еще в период работы над "Вечерами на хуторе близ Диканьки". Тогда писал он и исторический роман "Гетьман", оставшийся, правда, незаконченным, – роман о легендарном гетмане Остранице. Первая глава этого произведения начинается словами: "Был апрель 1645 года", – и эта дата более или менее близка к реальной датировке жизни казацкого героя. Когда чуть ниже автор просит читателей "вообразить себе картину XVII столетия" (5, т. 1, с. 282), то к нему и вовсе нет вопросов. Правда, в начале главы "Кровавый бандурист" возникает дата "1543 год", и начинает казаться, что, несмотря на стилевую общность, разные главы написаны разными авторами. Вот и в "Тарасе Бульбе" историческая маркированность достигается другими средствами.

Не так уж обильно насыщена повесть упоминаниями о реальных лицах и событиях, несущих прямые указания на эпоху, тем не менее такие упоминания есть. Еще в "Гетьмане" Гоголь не чуждался их, как, например: "На стене висел портрет деда Остраницы, воевавшего с знаменитым Баторием..." (5, т. 1, с. 298). И в повести "Страшная месть" из первого гоголевского цикла вспоминается, как "билась при Соленом озере орда"¹ (5, т. 1, с. 152), называются имена Сагайдачного, Хмельницкого. В "Тарасе Бульбе" такого характера указаний на время еще больше.

О сыновьях Бульбы узнаем, что они "были по двенадцатому году отданы в Киевскую академию" (5, т. 2, с. 43). Речь идет, разумеется, о Киево-Могилянской академии, при которой и существовала первая киевская бурса; правда, наименование "Киево-Могилянского академия" появилось лишь в 1701 году, но само учебное заведение было основано Петром Могилой в начале 1630-х годов. В том же отступлении о бурсе вспоминается "сам воевода Адам Кисель" (5, т. 2, с. 45); Адам Кисель был киевским воеводой в 1651-1653 гг. Особенно густо маркированы таким образом последние страницы повести, открывающиеся знаменитой фразой: "Отыскался след Тарасов". Сообщение о том, что "сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украины", что "поднялась вся нация" (5, т. 2, с. 146)

¹Имеется в виду сражение казацкого войска под предводительством Сагайдачного с армией Крымского хана на озере Сиваш в 1620 г.

ассоциируется с началом Хмельнитчины. Воспоминаются "молодой, но сильный гетьман Остраница", его советник Гуня (5, т. 22, с. 147) – реально существовавшие личности. Правда, были они предшественниками Богдана Хмельницкого, ибо их боевая деятельность протекала, главным образом, на рубеже 1630-1640-х годов. Часто встречается имя коронного гетмана Николая Потоцкого, упоминается "осада Потоцкого в местечке Полонном", и даже конфликт полковника Тараса с гетманом Остраницей приобретает исторический колорит: "Недаром провещал Тарас... Немного времени спустя, после вероломного поступка под Каневом, вздернута была голова гетьмана на кол..." (5, т. 2, с. 150). Как известно, погиб Остраница (Яков Острянин) в 1641 году от рук своих же казаков, взбунтовавшихся против казачьей старшины.

Словом, оперируя точными историческими именами и событиями, автор "Миргорода" отправляет читателя к исторической эпохе, мыслимой в достаточно широких пределах, без пунктуальной выверенности в деталях. В этой связи не менее важен другой путь "извлечения исторического корня" – в плане, так сказать, *идеологической и психологической характеристики персонажей*. Имеется в виду изображение нравов и вкусов, несущих в себе некоторое указание на эпоху (опять-таки в достаточно широких рамках). Это может быть убранство светлицы, манера обращения отца-полковника с сыновьями, ксенофобия казаков и, в частности, их жестокое отношение к местным евреям, казацкая велеречивость ("пишномовність") на поле брани, описание бруссы и т.д. Даже такая реплика: "Тогда влияние Польши начинало сказываться на русском дворянстве" (5, т. 2, с. 38-39) – не безотносительна к истории: она явно ассоциируется с эпохой, открываемой "смутным временем".

Не менее важно проявление историзма *в плане сюжета*. События личных судеб героев – отнюдь не все, но некоторые из них – соотнесены, хоть и опосредствованно, с событийным рядом истории Украины. Тарас с сыновьями едет на Сечь как раз накануне серьезных столкновений – по сути, восстания казачества против Речи Посполитой. История Мосия Шило, рассказанная в лаконичном отступлении, явно связана с периодом морских набегов, совершавшихся казаками в период затянувшейся "мирной передышки".

Избиение запорожцами евреев ассоциируется с началом грандиозных по масштабу погромов, проводившихся в годы Хмельнитчины и детально известных благодаря дошедшим сочинениям Натана Ганновера и других хронистов.

Сильнее всего проявляется историзм в плане сюжета в заключительной главке "Тараса Бульбы", о которой уже говорилось выше: сопряженность последнего этапа жизни и борьбы Тараса против польского владычества вместе с Остраницей, Гуней и их соратниками, его конфликт с гетманом Остраницей, сражения с войсками Николая Потоцкого – все это крепче "привязывает" историю героя к истории Украины.

Особого внимания заслуживают проявления историзма *в плане повествования*. Повесть написана от третьего лица, и непосредственного голоса автора в ней нет. Тем не менее Гоголь, мастерски ориентируя художественным временем, то и дело прерывает плавность синхронного рассказывания о казаках каким-либо замечанием, сделанным как бы из будущего – из времени автора, сохраняющего ретроспективный взгляд на историю. "...Все это внесено в летописные страницы..." (5, т.2, с.147), – замечает писатель по поводу восстания под предводительством Остраницы и Гуни, подчеркивая тем самым, что изображаемые события из жизни вымышленного героя очень тесно соотнесены с действительной историей народа.

Примеров "ретроспективного" взгляда на описываемые события отыскивается в повести немало. "Тогдашний род учения..." (5, т.2, с.44), – начинает Гоголь описание образования, преподносившегося в бурсе, и сразу становится ясно, что ретроспективный взгляд доминирует в этом отрывке и даже определяет авторские оценки бурсацкой жизни и обучения. "Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию" (5, т.2, с.48), читаем несколько ниже. Разумеется, никакой Новороссии во времена Тараса Бульбы не было, она появилась – как территория отдельная и отличная от Малороссии – после русско-турецкой войны, то есть в самом конце восемнадцатого века. Да Гоголь и не скрывает здесь своего ретроспективного взгляда, открывая фразу словом "тогда".

Нередко повествование о событии интродуцируется либо перебивается словосочетаниями: "в то время", "в тот век" и т.п. Под-

час автор как будто отстраняется, дистанцируется от события и описываемого времени: "Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века" и т.д. (5, т.2, с.145). Аналогичное суждение находим и в другом месте повести: "Дыбом стал бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века..." (5, т.2, с.71).

Как видим, в подобных замечаниях ретроспективного характера пусть имплицитно, но прочитывается какая-то оценочность. Причем это далеко не всегда восторженная или просто позитивная оценка "свирепого, полудикого века", которая превалирует в синхронных описаниях. Здесь можно говорить об отступлениях от общего правила, проявившегося в романтизации и даже идеализации запорожцев, их жизнедеятельности. Взять хоть бы редкое по проницательности, совершенно очевидно не совпадающее с синхронным оценками, замечание о "многонациональном предместье" Запорожской Сечи, которое, по словам автора, "одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей" (5, т.2, с.52). Если в некоторых предыдущих примерах ретроспективность замечаний определяет их некоторую оценочность, то здесь, пожалуй, дело обстоит наоборот: оценочность определяет, а точнее – дает читателю возможность почувствовать временную дистанцию между автором и воспроизводимой им эпохой.

Некоторые ретроспективные замечания напрямую связаны с позднейшим опытом самого писателя. Вот, к примеру, описывая идущих в темноте Андрия и татарку и их тени, Гоголь делает небезынтересное сравнение: "...они... напоминали собою картины Жерардо della notte" (5, т.2, с.82). Любопытно, что в первой редакции "Тараса Бульбы", вошедшей в "Миргород", такого сравнения нет; оно появилось лишь во второй редакции, созданной Гоголем в Италии, когда у автора среди прочего появился и новый, западный эстетический опыт.

Постоянное присутствие такой, ретроспективной точки зрения автора на события, изображаемые в повести, и на ее героев помогает фиксировать пусть не пунктуально отмеренную, но в общих чертах стабильную дистанцию между временем автора и временем

фабульным. Наличие такой дистанции, с одной стороны, как бы определяет жанровую специфику произведения, а с другой – будто умаляет (на расстоянии) значение отдельных исторических анахронизмов, о которых уже говорилось. Соблюдение исторической точности в деталях достигается другими путями: включением в повествование исторических имен и конкретных реалий, воссозданием некоторых обычаев и нравов того времени, соотносением в умело выстроенном сюжете судеб героев с судьбами целого народа. Разные из охарактеризованных факторов историзма проявляются как изолированно друг от друга, так и во взаимодействии между собой.

Отдавая должное искусству Гоголя в художественной разработке исторической темы, совершенно не обязательно, однако, абсолютизировать гоголевский историзм, "подтягивая" его до взаимной однозначности художественного сюжета и реальной истории. В своей ранней книге о "Тарасе Бульбе" С.Машинский усматривал "силу гоголевской повести" в том, что она смогла вобрать в себя весьма существенные жизненно-типические черты *всей* эпохи национально-освободительной борьбы украинского народа... (11, с.137). Исследователь убежденно писал о "реалистическом историзме" Гоголя (11, с.137).

Автор более позднего "опыта исторического комментария" к гоголевской повести высказывается прямолинейнее, не боясь впасть в упрощение, а пытаясь "подойти к анализу повести Гоголя "Тарас Бульба" как реалистическому произведению, в котором *достоверно* воскрешается историческое прошлое нашей Родины" (14, с.302). Частое употребление этими и другими авторами термина "реализм" и производных от него в рассуждениях о "Тарасе Бульбе" способно вызвать много вопросов. Заметим к тому же, что на процитированных трудах лежит печать своего времени, когда высшие достижения мирового искусства связывались исключительно с реалистическим направлением, и вся история искусства представлялась как восхождение к "критическому" а затем – к "социалистическому" реализму.

Не будем спорить о содержании термина "реализм": этот спор далеко увел бы нас от конкретной темы. Но, вот, упоминания о вос-

произведении "жизненно-типических черт *всей* эпохи", о полной "достоверности" воскрешения исторического прошлого не могут не вызвать возражений.

Совсем нетрудно заметить, что современники Гоголя были во многом точнее и не допускали подобных упрощений. Вчитаемся еще раз хотя бы в то же высказывание Белинского, которым открывается эта статья. "Гомерическая эпопея", а отнюдь не "достоверное воскрешение прошлого" – так представлялось знаменитому критику главное художественное качество произведения Гоголя. Одним из первых Белинский обратил внимания читателей на то, что в повести "Тарас Бульба" эпико-поэтическое начало берет верх над историко-повествовательным. Можно добавить, что это качество в большей мере присуще второй, теперь уже канонической редакции повести, отличающейся от первой, ранней редакции прежде всего обилием эпических, батальных эпизодов.

"Гоголь не археолог, а поэт, – проникательно заметил В.В. Гиппиус, – он способен спутать *хронологию* на целые столетия, просто не отдав себе отчета, в какую же эпоху происходит действие, как не отдает себе отчета в этом и устный эпос. Если у современного историка создается впечатление, что "Тарас Бульба" при всех его *анахронизмах* прурочен к эпохе Хмельницкого, то это заслуга интуитивного такта, а не намеренного задания Гоголя..." (4, с.74). В самом деле, если уж и задумываться над гоголевским историзмом, то следует признать, что он отнюдь не "реалистического происхождения", как и в целом поэтика этой повести – не из реалистического ряда.

Ограничимся одной цитатой: "Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе *двадцатипудовое* бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжел и толст" (5, т.22, с.42; курсив наш –М.С.). Вряд ли такая гипербола была бы уместна в строго достоверном, реалистическом произведении. А чего стоят многие описания казацких подвигов и казацкой силы в батальных эпизодах – все эти "гиперболы кровавых побоищ и пиров", по выражению М.М.Бахтина, находившего в "Тарасе Бульбе" черты "гротескного реализма" (1, с.486-487). С таким же успехом можно рассуждать о "достоверности" описаний в "Страшной мести"

или в "Вие"; романтическая поэтика, несомненно, превалирует в художественном мире этих произведений, несмотря на присутствие отдельных реалистически выписанных фрагментов.

Романтическая, а также предромантическая традиция очевидны в поэтике гоголевской повести, причем очевидны они и в гоголевском воспроизведении исторического прошлого Украины. Не только в "Страшной мести", но и в "Тарасе Бульбе" обнаруживаются следы традиций европейского готического романа с его событийностью и орнаментальностью описаний. О "неистой поэтике" Гоголя в свое время убедительно писал В.В.Виноградов, анализируя эволюцию "русского натурализма" и обращаясь, в частности, к "романтическому натурализму" повести, о которой идет речь. Ученый характеризовал "Тараса Бульбу" как "произведение, в котором как стилистические детали, так и вообще направление трех сюжетных нитей (драма Андрия, Остапа и Бульбы) подчинены требованиям "кошмарного" жанра (самоубийство, казнь Остапа, гибель всех героев)" (3, с.94). Добавим, что перечисленные В.В.Виноградовым события вписаны в условно-историческую рамку, и таким образом "неистовая поэтика" определяет и само изображение истории, в котором чуждой выглядела бы как раз пунктуальная достоверность. Это не лучшая и не худшая поэтика, чем, допустим, в "Роб Рое" или "Капитанской дочке"; это *иная* поэтика, восходящая к другим источникам и традициям.

Пришла пора вспомнить о том источнике своеобразного гоголевского историзма, – не менее, а, пожалуй, более важном для прозаика, чем сочинения Боплана или Конисского – об украинском фольклоре и прежде всего о народных думах и исторических песнях. По сути, история, так притягивавшая и вдохновлявшая автора "Тараса Бульбы" – это история, пропущенная через народно-поэтическое искусство.

"Из летописных и научных источников Гоголь черпал исторические сведения, необходимые ему фактические подробности, касающиеся конкретных событий. Думы и песни же давали ему нечто гораздо более существенное. Они помогали писателю понять душу народа, его национальный характер, живые приметы его быта. Он извлекает из фольклорной песни сюжетные мотивы, порой даже

целые эпизоды..." (122, с. 123). Если в начальной фразе этой цитаты из поздней монографии С.Машинского о Гоголе можно заметить некоторое преувеличение, а во второй части – дань, отданную некой "заклинательной" традиции советского литературоведения, то последнее суждение абсолютно точно; не случайно оно одно и сопровождается конкретными доказательствами из текста. Справедливо и замечание о том, что "поэтика народной песни оказала огромное влияние на всю художественно-изобразительную систему "Тараса Бульбы", на язык повести" (см. 8), а потому, добавим, и на весь характер воссоздания исторического прошлого в рассматриваемом произведении.

Как всякий большой художник, Гоголь, конечно же, воссоздавал колорит прошлого и обращался к историческому материалу не ради самой истории. Актуальность художественной задачи для своего времени он, несомненно, ощущал очень остро. В литературоведении уже высказывалось мнение, что решающим толчком к художественной реализации историко-героической фабулы для Гоголя послужило знакомство с историей Чугуевского восстания 1819 года, сурово подавленного Аракчеевым; есть версия, что из подробностей этого события извлек Гоголь фабульную историю отца и двух его сыновей (см. 15).

Актуальная для своего времени художественная задача в какой-то мере детерминировала и композицию всего цикла "Миргород" – отнюдь не случайную, а вполне продуманную. "Тарас Бульба" следует сразу же за "Старосветскими помещиками" и занимает в первом подцикле то же второе место, что в следующем подцикле – "Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем". Если откровенно романтические "Тарас Бульба" и "Вий" помещены как бы в середину цикла, то окольцовывают его вполне реалистические повести с резко контрастирующим (по сравнению с историей) жизненным и художественным материалом. Еще Г.А.Гуковский точно указал на то, что "Тарас Бульба" и "Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" вместе составляют текстовую парную оппозицию (7, с. 89). Стремление оттолкнуться от пошло-тривиальной современности ("Скучно на этом свете, господа!") не в меньшей степени, чем фоль-

клерные источники продиктовали Гоголю романтико-поэтическую интерпретацию давней истории, породили его специфический историзм.

Правда, проблема гоголевского историзма не сводится в полной мере лишь к повести "Тарас Бульба". Историзм как творческое качество проявился и в его реалистических творениях и в частности – в "Мертвых душах", над первым томом которых писатель работал в то же время, когда создавал вторую редакцию "Тараса Бульбы". Думается, впрочем, что немаловажная проблема историзма "Мертвых душ" сама по себе достаточно объемна и заслуживает отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. М.Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. В.Г.Белинский. Собр. соч. в 3-х томах. Т. I. М., 1948.
3. В.В.Виноградов. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.
4. В.Гиппиус. Гоголь. Л., 1924.
5. Н.В.Гоголь. Собр. соч. в 6 томах. Т. 6. М., 1959.
6. Н.В.Гоголь. Собр. соч. в 6 томах. Т. 6. М., 1937.
7. Г.А.Гуковский. Реализм Гоголя. М.- Л., 1959.
8. А.И.Карпенко. Народные истоки эпического стиля исторических повестей Н.В.Гоголя. Черновцы, 1961.
9. Д.С.Лихачёв. Внутренний мир художественного произведения. In: "Вопросы литературы", 1968, № 8.
10. Ю.М.Лотман. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988.
11. С.Машинский. Историческая повесть Гоголя. М., 1940.
12. С.Машинский. Художественный мир Гоголя. М., 1971.
13. Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., 1973.
14. Б.Я.Саннинский. Из наблюдением над сюжетом и жанром повести Н.В.Гоголя "Тарас Бульба". (Опыт исторического комментария) In: "Вопросы русской и зарубежной литературы". Ростов-на-Дону, 1967.
15. Е.С.Смирнова-Чикина. Источник сюжета "Тараса Бульбы". In: "Вопросы истории", 1968, № 7.
16. М.Г.Соколянский. Творчество Генри Филдинга. Книга очерков. Киев, 1975.
17. Б.В.Томашевский. Историзм Пушкина. In: "Учен. зап. Ленингр. ун.-та. Сер. филол. наук", вып. 20, № 173, Л., 1954.
18. Б.Эйхенбаум. О прозе. Л., 1969.

19. Гійом Левасер де Боплан. Опис України. Проспер Меріме. Українські козаки. Богдан Хмельницький. Львів, 1990.
20. Карл-Бенуа Шерер. Літопис Малоросії, або історія козаків-запорозжців та козаків України або Малоросії. Київ, 1994.
21. Tzv. Todorov. Une complication de text. Illuminations. In: "Poétique", 1978, No. 4.
22. René Wellek. Concepts of Criticism. New Haven, London, 1978.